Братья Гримм

Ганс женится

Жил-был на свете крестьянский парень, звали его Гансом; захотелось его двоюродному брату сосватать для него богатую невесту. Посадил он Ганса на лежанку и велел хорошенько натопить печь. Затем принес он кувшин молока да большой каравай пшеничного хлеба, дал ему в руки новую блестящую денежку и говорит:
— Ганс, денежку эту ты держи покрепче, а пшеничный хлеб кроши в молоко, и сиди так, не сходя с места, пока я назад не вернусь.
— Ладно, — говорит Ганс, — это я все исполню.
Надел сват старые заплатанные штаны и отправился в другую деревню к богатой крестьянской девушке и говорит:
— Не хочешь ли выйти замуж за моего двоюродного брата Ганса? Парень он работящий и смышленый, — он тебе понравится.
А отец у нее был человек скупой; вот он и спрашивает:
— А как у него насчет хозяйства? Хлеба-то у него хватает?
— Да что и говорить, друг любезный, — ответил сват, — мой-то младший братец сидит себе в тепле да в холе, и денежка у него в руке имеется, а есть-то ему, что и говорить, хватает. Да и заплат 1 у него не меньше будет, чем у меня, — и он при этом хлопнул себя по заплатанным штанам. — Ежели вы согласны будете, то потрудитесь пройти вместе со мной, и я вам на месте покажу, что все оно так и есть, как я говорю.
Не хотелось скряге упускать хорошего случая, вот он и говорит:
— Если все так оно и есть, то я против свадьбы ничего не имею.
И вот в назначенный день справили они свадьбу, и когда молодая жена собралась пойти на поле посмотреть земли своего жениха, Ганс сначала снял с себя праздничный наряд, надел свою заплатанную куртку и сказал:
— Хорошее-то платье, пожалуй, еще и запачкаешь.
И пошли они вместе на поле, и где по пути встречался им виноградник, то ли пахотная земля или луга, Ганс указывал на них пальцем, а затем, похлопывая по заплатам своего кафтана, говорил:
— Гляди, голубушка, вот эта заплата моя, и та тоже будет моя, — он хотел этим сказать, чтобы жена не на те поля смотрела, а на его куртку, которая была вправду его собственной.
— И ты на той свадьбе была? — Да, была, и в полном наряде. Головной мой убор был из снега; а как взошло солнышко, он весь и растаял; а платье было мое из паутины, но шла я через колючий кустарник и все-то его изорвала; а туфельки были у меня стеклянные; споткнулась я о камень, молвили они «дзынь», да и раскололись.